

к другому. Это объясняется двойственностью его мышления, персонажей, бытия, в котором он разрывался. Внешний и внутренний миры показывают свою чуждость чаще всего в “темном отражении” зеркала.

Чтобы понять произведения Гофмана, нужно “увидеть и понять другое (чужое) сознание и его мир, т.е. субъект «Du»”, понять “перемещение автора в сам текст” [1,181]. Для этого и создан кабинет зеркальных отражений Гофмана, чтобы понять одну из важнейших проблем его творчества – проблему идентитета между своим Я и Другим внутри одного человека.

“Я ли это?” – на рубеже столетий эта проблема стала вновь актуальной. Вопрос “Мы ли это?” можно поставить по отношению ко всей России, которая отвернулась от проблем духовности в пользу проблем материальных или, если воспользоваться терминами В. Пелевина, превратилась из «субъекта номер один» в «субъект номер два».

Библиографический список

1. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
2. Подорога В. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. – М.: *Ad Marginem*, 1995. – 339 с.
3. Hoffmann E.T.A. *Ausgewählte Werke*. – Berlin, 1998. – 5974 S. (CD-Rom)

Н.П. Пешкова

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО И ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уфимский государственный авиационный технический университет

Наши исследования последних лет были посвящены экспериментальному и теоретическому изучению текстов различных типов, репрезентирующих то сложное и многоаспектное явление, которое мы характеризуем сейчас как научный и деловой дискурс [6], [7]. Прежде чем перейти к изложению заявленной проблемы, нам представляется необходимым сказать несколько слов о соотношении таких понятий, как “текст” и “дискурс”, сформулировав собственную позицию.

Как известно, с одной стороны, существует множество дефиниций понятия “текст”, достаточно подробный обзор которых приводится в целом ряде публикаций, в том числе в одной из наших последних работ [6], с другой – различные авторы по-прежнему предлагают разные толкования столь часто употребляемого в зарубежной и

отечественной лингвистической литературе понятия “дискурс”. Одни исследователи убеждены, что “дискурс” и “текст” относятся друг к другу как общее и частное соответственно, другие имеют прямо противоположную точку зрения, третьи полагают, что они взаимозаменяемы и на практике подменяют одно понятие другим. У нас вызывает сомнение правомерность всех трех названных выше позиций по ряду причин.

Не останавливаясь на истории возникновения термина “дискурс”, его английских и французских корнях и на зарубежной традиции его использования, отметим лишь то, что нам представляется существенным для отечественной лингвистической традиции с точки зрения современной ситуации в науке о языке.

Если попытаться обобщить близкие нам представления о дискурсе как совокупности лингвистических и экстралингвистических (психологических, социальных, культурных) аспектов текста, процессов и продуктов речемыслительной деятельности индивидуума, можно прийти к следующему толкованию.

В нашем понимании, дискурс представляет собой одновременно массив и поток текстов различных типов, как письменных, так и устных, в совокупности всех необходимых и неизбежных условий их существования, рассматриваемых на всех этапах их “жизненного цикла” [6], от порождения до понимания, от формирования замысла до извлечения смысла. Дискурс в определенном смысле понятие абстрактное, он воплощается в реальных “живых” текстах, функционирующих в той или иной сфере деятельности человека, в науке, культуре, литературе, повседневной жизни. В связи с этим мы полагаем, что текст “первичен” по отношению к дискурсу во всех планах. Только через конкретный тип текста с учетом всех его “жизненных” факторов мы познаем дискурс.

Вслед за В.В. Красных, мы полагаем, что можно говорить о национальном дискурсе, русском, английском и др., включающем литературный, научный, политический и другие разнообразные типы дискурсивной деятельности социума [3]. В то же время нам представляется возможным объединить в один тип дискурса разноязычные тексты, принадлежащие одной сфере деятельности, на основании некоторых присущих этому роду деятельности общечеловеческих универсалий, в этой связи опять-таки можно упомянуть и поэтический, и политический, и научный типы дискурса.

Текст как форма воплощения дискурса в самых разнообразных своих проявлениях, или, иными словами, типах, привлекал внимание исследователей на протяжении всего 20-го века и продолжает оставаться в центре внимания различных направлений науки о языке в настоящее время. Среди них по-прежнему остаются лингвистика

текста и психолингвистика, социоллингвистика и компьютерная лингвистика, общая теория языка и когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика и информационные технологии.

По справедливому замечанию одного из современных исследователей текста, К.И. Белоусова, исходным моментом, с которого необходимо начинать современное изучение онтологии языка, является выбор единицы описания, наиболее полно представляющей объект, “в которой сошлись бы физическое, концептуальное (содержательно-смысловое) и деятельностное измерение языка. Такой единицей, несомненно, является текст” [1, 8]

Типология текста как самостоятельный раздел его теории имеет богатую и поучительную историю. Она уходит корнями в риторику Аристотеля, хотя официально ведет отсчет своего существования с начала семидесятых годов двадцатого столетия.

Постоянно подпитываемый новыми научными тенденциями интерес к типологической проблематике объясняется и грандиозной “вселенской” природой текста, и необходимостью определенного практического упорядочения этого “вселенского хаоса”.

Как мы уже отмечали, парадокс заключался в том, что, несмотря на множество талантливых исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов, представляющих данное направление, природа текста не только вновь ставила перед нами новые вопросы, но и открывала новые ракурсы старых проблем, от решения которых, как выясняется, мы по-прежнему далеки.

К таким проблемам мы относим теоретическую разработку и практическое воплощение принципов типологического исследования, которые могли бы носить хотя бы до некоторой степени универсальный характер для разных языков и разных областей функционирования текста.

Нам представляется, что большими возможностями в этой связи располагает научный дискурс, представленный разнообразными типами текстов. Именно это и послужило основанием для выбора объекта наших многолетних исследований.

По нашему мнению, научный текст обладает такой универсальной природой, которая позволяет нам распространить данные, полученные в результате его изучения, на текст вообще и в частности на тексты, функционирующие как в сфере деловой литературы, так и литературы популярной, доступной широкому кругу читателей.

Нельзя не заметить, что такая универсальность текстов научного дискурса во многом связана с широким диапазоном разновидностей речевых произведений, объединяемых под одной рубрикой – научный текст. Мы уже отмечали, что это дискурсивное пространство соединяет в себе полярные крайности – от полностью стандартизи-

рованного текста инструкции или патента до нового типа научной статьи, отвергающей многие условности, присущие научному стилю. Современный научный текст соединяет в себе творческое начало, отрицающее устоявшиеся штампы и эталоны, и одновременно “строгость” стиля, связанную с условностями, которыми полна реальная жизнь во всех ее областях [6].

Такое своеобразие природы научного текста давало надежду на открытие универсальных принципов типологического исследования, потенциально применимых для различных видов письменной деловой литературы. И как показала практика последующих исследований в области делового дискурса, в частности, делового письма [2], мы не ошиблись в выборе объекта.

Следуя принципам А.И. Новикова, ученого, стоявшего у истоков отечественной семантики текста и создавшего свою школу семантических исследований в науке о языке, в нашей работе мы старались отойти от многих терминологических условностей и ограничений, которые часто налагает научное направление, независимо от нашей воли. В то время как при изучении такого особого феномена как текст зачастую важна не теоретическая позиция автора и тем более не терминология, которой он пользуется, важен достигаемый исследователем конечный результат [5, 118].

Наиболее продуктивным направлением в дискурсивных исследованиях мы продолжаем считать интегративный подход к решению проблем любого типа и сложности, только он, по нашему мнению, обеспечивает до некоторой степени объективность конечного результата.

Задача нашего исследования – построение типологии научного дискурса – требовала как теоретического осмысления множества явлений, так и их экспериментального изучения. Следуя логике реального мира, в котором мы всегда сначала имеем дело с внешней формой любого объекта, а уже затем пытаемся постигнуть его внутреннюю сущность, наше исследование мы начали с разработки классификационной схемы, основанной на лингвистических (внешних) структурных характеристиках текста. Завершающим этапом стало построение типологической системы, несколько измененной, по сравнению с первоначальным вариантом, но сохранившей все основные “жизненные” параметры внутренней и внешней структуры текста.

Мы разработали модели корреляции текстовых характеристик, которые были обработаны и подтверждены с использованием специальной компьютерной программы, а затем прошли экспериментальную проверку на этапах порождения и понимания текста в нескольких сериях психолингвистического эксперимента с большим количеством испытуемых. Типологическая значимость характеристик, одни из ко-

торых мы относим к психолингвистическим, принадлежащим глубинной, содержательной форме текста, а другие — к лингвистическим, составляющим внешнюю форму речевого произведения, экспериментально подтверждается на всех звеньях “жизненного цикла” текста, от формирования замысла к постижению смысла. Жизненный цикл текста мы представляем себе в виде схемы, состоящей из двух звеньев, имеющих двойное обозначение, это: порождение — текста понимание или замысел — текст — смысл [6].

Научный дискурс, функционирующий в форме текстов различных типов, мы представляем как “живую” информационную систему, природа которой постигается изучением реальных процессов ее функционирования. И непосредственные участники этих коммуникативно-когнитивных процессов, и их исследователи имеют дело с внешней материальной оболочкой текста, его формой, данной нам непосредственно в восприятии. Глубинная природа речевого произведения остается за пределами непосредственного восприятия. Тем не менее, вся коммуникация осуществляется ради ее постижения, к этому же стремимся и мы, исследователи текста.

Заглянуть в глубины “лингвистической Вселенной” нам удалось с помощью специального исследовательского инструмента, а именно, методики денотативного анализа текста, разработанной в теоретических трудах А.И. Новикова [5] и прошедшей затем экспериментальную проверку в работах его учеников — Н.М. Нестеровой, Т.В. Вшивковой, Л.В. Михайловой, Н.П. Пешковой, Н.Л. Сунцовой. и др.

Наши исследования показали, что существуют конкретные механизмы взаимоотношения внутреннего и внешнего в тексте, иными словами материального и идеального. “Следы” идеального присутствуют в материальном, и задача исследователя заключается в том, чтобы разглядеть их и эксплицировать, если возможно, с помощью какого-либо “инструментария”. Эти отношения чрезвычайно сложны, как и любые отношения психического и физического, тем не менее, нам удалось сделать небольшой шаг на пути их изучения.

Экспериментальное исследование, проведенное с русскоязычными испытуемыми, которому предшествовал эмпирический анализ массива научных и технических текстов на трех языках — русском, английском и французском, дало интересные, на наш взгляд результаты.

В частности данные эксперимента позволили нам утверждать, что регулярность действующих закономерностей, заключающихся в том, что присутствие во внутренней структуре текста определенных характеристик влечет за собой наличие одних и отсутствие других признаков его внешней формы, приобретает характер закона, универсального для всех трех языков.

Важным представляется и тот факт, что модели корреляции характеристик, лежащие в основе обнаруженного закона, демонстрировали определенную гибкость, присущую всем механизмам естественного языка, чуждого по своей природе алгоритмической жесткости математических законов.

Метод анализа текста А.И. Новикова, обеспечивший вычленение так называемых “носителей смысла”, позволил нам также затронуть проблему смысла и его различных видов в связи разными типами научного текста [6], которая затем получила дальнейшее свое решение [7], [4].

В целом наша типологическая концепция могла бы быть сформулирована следующим образом. Общим принципом любого типологического исследования текста как представителя того или иного дискурса должно стать изучение глубинных механизмов взаимодействия внутренней и внешней форм, или структур, воплощающихся в процессах речевой коммуникации.

Классификационные характеристики внутренней и внешней формы речевого произведения “имеют право” войти в типологическую систему, лежащую в основе общей типологии текста, если они, передавая сущность его структурно-системной природы, сохраняют свою типологическую значимость в реальных процессах “жизненного” функционирования различных типов текста, принадлежащих тому или иному дискурсу.

Библиографический список

1. Белоусов К.И. Текст: пространство, время, темпоритм. Новосибирск: Сибирские огни. 2005. – 247 с.
2. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков). – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Уфа: УГАТУ, 2004. – 24 с.
3. Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. – 374 с.
4. Матвеева Н.В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет). – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Уфа: УГАТУ, 2004. – 22 с.
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1982. – 215 с.
6. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. Монография – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002. – 261 с.
7. Пешкова Н.П. Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования // “Проблемы прикладной лингвистики”. Выпуск 2. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – С. 266-276.